

6. Ваттимо Джанни. Прозрачное общество. Пер. с ит. /Перевод, послесловие Дм. Новикова. – М.: «Логос», 2002. – 128 с.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – С. 61–272.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Там же. – С. 602–643.
9. Апель К.–О. Киевские лекции. – К.: «Стилос», – 52 с.
10. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на «краткий» XX век // Хабермас Ю. Политические работы /Сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с. – С. 209–233.
11. Валлерстайн Им. Конец знакомого мира: Социология XXI века /Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

Тимофеева Н.В.

Номo sexual: К ПРОБЛЕМЕ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ XX ВЕКА

XX век создаёт новую систему духовных и моральных ценностей, которая оказывается во многом отличной от предшествующей эпохи. Перед лицом научно–технического прогресса и развития научного знания многие традиционные моральные ценности представляются девальвированными и устаревшими. В известной мере это коснулось и такой области, как любовь. Философия любви, которая так привлекала идеализм и романтизм XIX века, начинает казаться многим старомодной. Не случайно тема любви стала замещаться модно звучащей темой секса, а философия любви – психологией сексуальности.

Американский социолог Питирим Сорокин, исследовавший последствия социальной революции в Америке, утверждает, что в XX веке на место «*homo sapiens*» приходит «*homo sexual*». По словам Сорокина, сегодня «любой аспект нашей жизни» связан с сексуальной одержимостью. Начиная от колыбели и до самой могилы, эта одержимость подвергает бомбардировке каждый аспект нашего жизненного пространства, почти каждый шаг нашей деятельности, мысли и чувства. Мы полностью погружены во всё поднимающийся поток секса, который заполняет каждый отдел нашей социальной жизни и культуры. Пока мы ищем противоядия против этих либидозных сил, нас всё больше завоевывает постоянное давление этой гигантской армии вездесущих сексуальных символов» [5, с.54].

Секс становится предметом исследований для многих направлений западной науки, в особенности психоанализа.

Фрейд порой пользовался понятием «любовь», но предметом его исследований была сексуальность человека. В трактовке Фрейда сексуальность носит бессознательный характер. Она совершенно не зависит от объекта желания и имеет исключительно внутренние, импульсивные мотивы в самой личности. Это и определяет трактовку Фрейдом любви как одного из проявлений сексуальности. Любовь у Фрейда иррациональна, основана на иллюзиях, в ней совершенно отсутствует всякий выбор. Именно поэтому многие формы любви основаны на иллюзии, связанной с переоценкой самого себя, с элементами нарциссизма.

В жизни и деятельности человека Фрейд обнаруживал борьбу двух противоположных начал: принципа удовольствия Эроса и чувства вины и желания смерти Танатоса. Эти два первичных инстинкта – любви и смерти, Эроса и Танатоса – определяют собой всю структуру человеческой психики, а в более широком смысле всю человеческую культуру.

Признавая Эрос первичным жизненным проектом, Фрейд отказывал ему в каком-либо духовном содержании и, по сути дела, сводил любовь к биологическим процессам.

Одной из важнейших проблем культуры XX века является отношение любви и насилия, двух сил, которые противостоят друг другу в социальной и культурной жизни современной эпохи. Мы постоянно убеждаемся, что антиномия любви и насилия составляет одну из актуальных проблем современности.

Как известно, проповедником насилия в любви был граф Франсуа де Сад, по имени которого возник и сам термин «садизм», получивший широкое распространение как обозначение идеологии жесткости, насилия и наслаждения чужими страданиями.

Иное решение проблемы отношения любви и жестокости предлагает философия экзистенциализма. Она получает подробное освещение в работах французского философа Жана Поля Сартра. Для Сартра философия любви – постоянная тема, он возвращается к ней вновь и вновь во многих своих работах, связывая её с главной проблемой экзистенциалистской философии – проблемой свободы. По словам Сартра, каждая личность достигает самопознания только через своё отношение к другому человеку, и поэтому сфера непосредственных эмоциональных проявлений, таких как стыд, ревность, любовь, приобретает важное экзистенциальное значение. Согласно Сартру, в любви никогда нельзя достичь абсолютного равенства. Равновесие в любви невозможно, оно всегда неустойчиво и неосуществимо.

У Сартра природа любви иллюзорна. Для него объект любви принципиально неважен, он является всего лишь стимулом, а отнюдь не причиной. Чаще всего это плод фантазии и воображения. В этом Сартр солидарен с Фрейдом.

Однако в его работах появляется новый аспект в понимании любви, связанный с противопоставлением двух типов сексуальных влечений: любви и садомазохизма. Этот аспект позволяет ему по–новому взглянуть на проблему секса и насилия. Для Фрейда эта связь была органической, вытекающей из единства двух первичных инстинктов – эроса и инстинкта саморазрушения. Сартр выдвигает иное решение проблемы.

Любовь основана на взаимности, она предполагает взаимное воплощение друг в друга. Садизм является абсолютной противоположностью любви, он представляет собой попытку использовать тело другого как инструмент.

О взаимной природе любви высказывались и другие французские экзистенциалисты, поднимая пафос бытия вместе с другим и бытия для-другого до субъективного признания бессмертия.

«Я люблю тебя – значит сказать – Ты никогда не умрёшь!» [2, с. 393] – заметил А. Камю.

Оригинальную попытку создания философской концепции любви предпринял испанский философ-экзистенциалист Хосе Ортега-и-Гасет. В своей книге «О любви» он пишет о роли женщины в истории, о теории любви Стендаля, об отношении влюблённости, экстаза и гипноза. Пожалуй, это была первая в XX веке философская книга о любви.

К экзистенциалистской традиции примыкает и американский философ Эрих Фромм. Его книга «Искусство любить» получила широкую известность. По его словам, любовь – это отражение стремления выйти за пределы индивидуальной жизни, покинуть «тюрьму одиночества», преодолеть страх одинокого существования. Любовь – действенная сила в человеке, сила, разрушающая преграду между человеком и его собратьями, сила, которая объединяет его с другими; любовь помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения и вместе с тем позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. Парадокс любви в том, что эти два существа составляют одно целое и всё же остаются двумя существами» [3, с. 12]. По попытке истолкования любви предлагает французский философ Пьер Тейяр де Шарден. Он рассматривает феномен любви с точки зрения общей теории эволюции человека, которую он развивает в своём сочинении «Феномен человека». В его представлении любовь – это творческая энергия, которая разлита по всей природе и в одинаковой мере присуща всему живому. Он высказывает предположение, что эта энергия носит космический характер, что «любовь во всех своих нюансах – не что иное как более или менее непосредственный след, оставленный в сердце элемента психической конвергенцией к себе универсума.» [2, с. 259]. В этом смысле любовь носит универсальной, космический характер, она не исчерпывается только отношениями людей, но проявляется и в разнообразных формах биологической жизни.

Феминистская литература о любви и сексуальности обширна. Она связана с обоснованием важной роли женщины в европейской культуре, утверждением равных прав мужчины и женщины во всех областях социальной и культурной жизни. С этой точки зрения большой интерес представляет книга Симоны де Бовуар «Второй пол». С. де Бовуар посвятила эту книгу положению женщины не, только в семье и в обществе, сколько «в жизни вообще».

В основном, считает С. де Бовуар, именно мужчины создают и укрепляют в обществе гендерное (половое) различие ролей в обществе, но это не творение из ничего, исходной точкой его является репродуктивный характер женской биологии. Основная программа, предложенная этой писательницей и философом для феминистского движения, состоит в том, чтобы заменить социальную структуру, основанную на половом признаке, индивидуальным проектом.

В последнее время большую популярность в научном мире получило исследование французского философа Мишеля Фуко «История сексуальности». Эта книга – последняя работа Фуко, которую следует рассматривать в контексте более ранних его работ – «Душевная болезнь и личность» (1954), «История безумия» (1961), «Надзирать и наказывать» (1975).

Фуко интересуется один-единственный вопрос, который он рассматривает в теоретическом и историческом аспектах: отношение сексуальности и власти. Фактически это было продолжением его исследования о природе научного знания, к которому он обратился в своей книге «Археология знания», где анализировал отношения знания и власти.

По мнению Фуко, секс всегда был орудием власти, с помощью которой контролировалась личная жизнь и в конечном счёте всё общество. «Идея секса, – пишет Фуко, – позволяет вскрыть то, что делает власть властью. Совершенно невозможно понимать власть только как закон и табу. Секс – это сила, которая возникает, чтобы подчинить нас, и секрет заключается в том, что эта сила лежит в основе всех наших поступков. Было бы ошибкой полагать, что секс – автономная сила, которая производит только вторичный и внешний эффект там, где секс соприкасается с властью. Напротив, секс – это наиболее спекулятивный, наиболее идеальный и глубинный элемент в развёртывании сексуальности, который властно организует тело, его зрелость, его силу, энергию, чувственность и удовольствие» [6, с. 55].

Фуко категорически отрицал идею освобождения с помощью секса. Все попытки либерализации или революционизации сексуальной практики на самом деле демонстрируют способность ещё более изошённого, хотя и замаскированного подавления и контроля. В беседе 1977 года Фуко говорил, что «секс – это потрясающее орудие контроля и власти».

По мнению Фуко, европейская культура в отличие от восточной никогда не рассматривала секс как предмет чистого удовольствия. Именно поэтому, говорит он, «наша цивилизация не имеет никакой *ars erotica*. Зато это, несомненно, единственная цивилизация, которая практикует *scientia sexualis* [4, с. 156].

Следует, быть может, иметь в виду, что Фуко не только свидетель, но и активный участник майских событий 1968 года, и его исследования в определённой степени отражают коллективный опыт молодёжного движения этого времени с его надеждами, утопиями, победами и поражениями. Он, несомненно, видел ограниченность лозунгов и практики «сексуальной революции». Фуко более реалистичен и понимает, что секс, как бы его ни освобождали от запретов, не способен трансформировать общественную жизнь. Он создаёт иллюзию освобождения, хотя на самом деле «зарешёчивает» человека в тюрьму сексуального опыта.

XX век создаёт не только новые идеи, но и новое понимание эроса. Искусство этого времени наследует

антипуриганский пафос, свойственный многим художникам прошлого столетия. Но помимо идеи «искусства для искусства», провозглашающей свободу искусства от традиционной морали, художники XX столетия получают новый стимул, новую теоретическую поддержку прежде всего от психоаналитической эстетики.

Источники и литература

1. Foucault M. The History of Sexuality. An Introduction. – N.Y. 1984. – P. 55.
2. Sorokin P. The American Sex Revolution. – Boston. 1956. – P. 54.
3. Камю А. Творчество и свобода – М. 1990. – С. 393.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М., 1965. – С. 259.
5. Фромм Э. искусство любить // Фромм Э. Душа человека. – С. 121.
6. Фуко М. Воля к истине. – С. 156.

Тихомирова Ф.А.

ЛОГИКО–СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИИ

Особенностью научной мысли XX века В. И. Вернадский считал то, что «сливаются в единое целое все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течения духовного творчества человека. Перелом научного понимания Космоса совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой – их объект совершенно меняется» [7, с. 150]. Рассматривая структуру научного знания, великий ученый отмечал, что «основной, неоспоримый вечный остов науки» в качестве основных элементов включает в себя «математические науки во всем их объеме» и «логические науки почти всецело» [7, с. 400].

Рост научного знания – одна из ключевых проблем современного познания и исследовательской деятельности. Прогресс каждой отрасли науки обусловлен возможностью рассмотрения ее как целостной системы. Более того, знание находится в состоянии изменения, становления. Одним из существенных механизмов развития, становления научного знания является его интеграция и дифференциация. Наряду с организационными, конкретно научными, техническими вопросами, проблема интеграции различных научных дисциплин и методов познания включает философские аспекты исследования. Методологические проблемы интеграции современного научного знания привлекают внимание многих ученых, как отечественных, так и зарубежных. Особая важность проблемных комплексных исследований в современной науке объясняет необходимость исследования интеграционных процессов.

Исследование роста научного знания требует тщательного рассмотрения логических и системных оснований механизмов данного процесса. На наш взгляд, таким методом может быть системный анализ в варианте параметрической ОТС [28, с. 103]. Действительно, одной из характерных особенностей современной науки является распространение идей системного подхода и системного анализа. Применение системного подхода к анализу научного знания следует считать достаточно перспективным направлением методологии науки. Целью данной статьи является исследование механизмов, логических оснований процессов интеграции и дифференциации научного знания, составляющих важнейший элемент системного анализа.

На наш взгляд, дифференциация и интеграция – два взаимосвязанных и разнонаправленных способа роста и развития научного знания. Рост современного научного знания является (а не только сопровождается) возникновением новых проблем, требующих новых методов решения. Процесс дифференциации – переход от «единого», общего к расчлененному, «многому». Разделение общего знания на его части, виды или подвиды приводит к появлению новых областей знания, появляются новые объекты и области исследования, целые отрасли научного знания. Процессы дифференциации превратили науку в сложную и разветвленную систему дисциплин. Этот процесс также можно исследовать в рамках системно–параметрического метода, в котором процесс дифференциации может быть эксплицирован в рамках значений бинарных атрибутивных системных параметров [30, с. 15].

Интеграция – противоположный механизм развития научного знания, в результате которого происходит объединение разрозненных знаний, областей исследования, то есть происходит переход от «многого» к «единому». Это одна из важнейших закономерностей развития научного знания, становления его целостности. Следует подчеркнуть, что далеко не всякое междисциплинарное исследование комплексных проблем является интегративным взаимодействием наук. Сущность интеграции – в уплотнении научной информации, возрастании системности, комплексности и ёмкости знаний. Проблема интеграции научного знания – сложное, многогранное явление, требующее современных средств ее методологического анализа.

Академик Н. Н. Моисеев считает современную экологию системной наукой, опирающейся на множество традиционных научных дисциплин. Решение экологических проблем техногенного индустриального общества – загрязнения биосферы, роста народонаселения, энергетической и продовольственной проблемы – возможно только на основе интеграции различных отраслей научного знания [16].

Это не случайно, поскольку возрастает сложность и многокомпонентность исследуемых объектов. Так, с середины XX века возрастает интерес к биосфере как объекту научного познания. В связи с глобальным обострением экологической ситуации возникла необходимость «экологизации» естественных, социальных и технических наук, образования и воспитания. Видный российский эколог Э. В. Гирусов справедливо отмечает, что «экологическое знание будет множиться соответственно многообразию видов человеческой деятельности, вся совокупность которой должна быть охвачена экологизацией, поскольку и сам человек с его сознанием, мировоззрением, культурой и привычками должен претерпеть столь радикальные изменения, что речь может